

DOI: 10.31857/S086919080014399-5

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СРЕДЕ ГОРОДСКОГО ЧЕРНОКОЖЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮАР. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2021

В.В. ГРИБАНОВА ^a, Н.В. ГРИШИНА ^b^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-4117-1995; vgibanova@mail.ru^b – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

Резюме: Несмотря на конституционно закрепленное в ЮАР равенство прав и возможностей мужчин и женщин, женщины гораздо чаще, чем мужчины, сталкиваются с дискриминацией в общественной жизни. Находясь в одних и тех же социально-экономических условиях, женщины обладают более низким по сравнению с мужчинами социальным статусом в системе общественных отношений. Достаточно ярко эта тенденция проявляется в среде чернокожего населения, будучи следствием системы апартеида (1948–1994 гг.) и традиционных этнических норм. С конца XIX в. в связи с бурным экономическим развитием южноафриканского региона города стали центром притяжения чернокожего населения, что во многом объяснялось стремлением выжить в условиях деформации привычного образа жизни под натиском европейской экспансии. Для ограничения потока мигрантов власти приняли ряд законов, связанных с правилами проживания африканцев в городах. Но несмотря на это, их количество возрастало за счет низкоквалифицированных и неквалифицированных промышленных рабочих и деклассированных элементов. Постепенно формировалось городское африканское население со значительным преобладанием мужчин. Традиционная гендерная сегрегация переносилась в сферу городского общественного производства: рабочие места для женщин формировались за счет социализации обязанностей, существовавших в рамках африканской семьи. Практически во всех сферах городского хозяйства наблюдалось неравенство в оплате при выполнении мужчинами и женщинами одних и тех же видов работы. Лишь в отдельных случаях африканкам удавалось подняться на более высокую социальную ступень по сравнению с мужчинами. После отмены апартеида значительного повышения социального статуса чернокожих женщин сразу не произошло, что объясняется многолетними расовыми и гендерными ограничениями, традиционными устоями, подчиненным положением по отношению к обществу в целом. Однако в настоящее время в соответствии с правительственными программами развития африканки имеют приоритет в карьерном и политическом росте по сравнению с другими группами населения ЮАР.

Ключевые слова: апартеид, занятость, сегрегация, гендерный дисбаланс, трудоустройство, образование, программы развития.

Для цитирования: Грибанова В.В., Гришина Н.В. Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 93–103. DOI: 10.31857/S086919080014399-5

SPECIFICITY OF GENDER ROLES IN THE URBAN BLACK SOUTH AFRICANS. HISTORY AND MODERNITY

© 2021

Valentina V. GRIBANOVA ^a, Nina V. GRISHINA ^b

^a –Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID 0000-0002-4117-1995; vgibanova@mail.ru

^b –Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

Abstract: *Despite the constitutional equality of rights and opportunities between men and women in the Republic of South Africa, women are much more likely than men to face discrimination in public life. Being in the same socio-economic conditions, women have a lower social status than men in the system of social relations. This trend is quite pronounced among the black population, as a consequence of the apartheid system (1948–1994) and traditional ethnic attitudes. Since the end of the 19th century in connection with the rapid economic development of the South African region, cities became centers of attraction for the black population. To limit the flow of migrants, the authorities have adopted a number of laws related to the rules of residence of Africans in cities. But, despite this, their number increased due to low-skilled industrial workers and declassed elements. Traditional gender segregation was transferred to the sphere of urban social production: women's jobs were formed through the socialization of responsibilities that existed within the African family. In almost all areas of the urban economy, there was an inequality in pay for men and women performing the same types of work. After the abolition of apartheid, there was no significant increase in the social status of black women, which is due to long-term racial and gender restrictions and traditional attitudes. However, at present, in accordance with government development programs, African women have priority in career and political growth compared to other groups of the population of South Africa.*

Keywords: apartheid, employment, segregation, gender imbalance, opportunities, education, development programs.

For citation: Gribanova V.V., Grishina N.V. Specificity of Gender Roles in the Urban Black South Africans. History and Modernity. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 93–103. DOI: 10.31857/S086919080014399-5

Южно-Африканская Республика¹, вставшая на путь демократических преобразований в 1994 г., получила от времен апартеида целый комплекс социально-экономических и политических проблем. За их сложностью и противоречивостью стоят вопросы, на первый взгляд не имеющие особой важности, но при более внимательном рассмотрении они перестают казаться таковыми. Речь идет о гендерных взаимоотношениях в среде чернокожих жителей страны.

Гендерная принадлежность в значительной степени определяет возможности участия личности в той или иной области жизни общества. Тенденции современного развития требуют паритетного участия представителей обоих полов в политической, культурной, социальной сферах и семейных отношениях, что непросто реализовать в стране, где столетиями существовало четкое разграничение гендерных ролей.

Как и во всем мире, гендерное неравенство в ЮАР проявляется в том, что, несмотря на существующее законодательство, женщины не обладают равными с мужчинами воз-

¹ До 1961 г. – Южно-Африканский Союз (ЮАС).

возможностями для реализации своих интересов и потребностей. Они чаще, чем мужчины, сталкиваются с проявлениями дискриминации и насилия. И хотя представители обоих полов находятся в одних и тех же социально-экономических условиях, их положение и статус в обществе различны: женщины обладают более низким по сравнению с мужчинами социальным статусом в системе общественных отношений.

В 1913 г. в силу вступил закон «О землях банту», ставший одним из этапов официального закрепления за представителями разных рас территорий их проживания. При этом что чернокожие африканцы составляли около 80% населения ЮАС, им было выделено 13% самых неплодородных и наименее пригодных для хозяйственной деятельности земель [Потехин, 1955, с. 77].

С приходом к власти Национальной партии в 1948 г. официальной внутривластной доктриной был объявлен апартеид – система сегрегации, основанная на раздельном существовании представителей различных рас, проживающих на территории ЮАС.

С 1949 г. запрещались браки белых с цветными или африканцами. Закон «О регистрации населения» (1950) предусматривал классификацию и регистрацию жителей Южной Африки по расовому признаку. В соответствии с законом «О расселении по группам» (1950) были созданы так называемые «этнические» зоны для африканцев, цветных и индийцев, где они имели право владеть собственностью. Расовая сегрегация вводилась при проезде на транспорте, в сфере общественного питания, на пляжах, в кинотеатрах, учебных заведениях, парках, церквях. Закон «О самоуправлении банту» (1959) предусматривал создание на территории Южной Африки новых территориальных объединений – бантустанов. Первый, Транскей, появился в 1963 г. Законодательные акты, принятые в 1963–1964 гг., регламентировали проживание и работу небелого населения в «белых» районах.

Политика апартеида была направлена на полную изоляцию друг от друга различных расовых групп. Вся страна делилась на области, каждая из которых отводилась определенной расовой группе. Представители других рас могли там находиться только на работе или по делам чрезвычайной важности. При этом белых лечили, учили и обслуживали только белые, черных – только черные, цветных – только цветные.

Постоянно нараставший поток африканцев, направлявшихся из сельской местности в города, объяснялся прежде всего стремлением выжить в условиях деформации привычного образа жизни под натиском европейской экспансии путем приспособления к новшествам. Число внутренних мигрантов было настолько значительно, что власти приняли законы, направленные на ограничение пребывания и правила проживания африканцев в городах – «Акт о групповых областях» (1950), «Закон о городских районах банту» (1954).

Однако, несмотря на жесткие ограничительные меры, число приезжих африканцев увеличивалось; постепенно формировалось городское африканское население со значительным преобладанием мужчин [Гришина, 2007, с. 17].

Число горожан возрастало в основном за счет низкоквалифицированных и неквалифицированных промышленных рабочих, поденщиков, проституток, бездомных, бродяг. Чернокожие горожане, особенно женщины, в силу многих причин были обречены на практически пожизненное прозябание в крайне стесненных материальных условиях.

Часть городской торговли, сферы услуг и коммунальное обслуживание городского африканского населения принадлежали немногочисленным мелким торговцам и предпринимателям. В основном это были мужчины; женщины находились на второстепенных ролях.

Образованных африканцев в городах проживало немного; практически все они – врачи, технические специалисты, служащие, инженеры, преподаватели – были мужчинами. В отсутствие доступа в белое сообщество найти применение своим силам и знаниям они могли только в среде чернокожего населения.

Активно протекавшие в Южной Африке миграционные и урбанизационные процессы подрывали существовавшие в среде чернокожего населения традиционные связи; серьезно были поколеблены и устои семейной жизни. Однако и в новых условиях наиболее угнетаемой и бедной частью общества оставались женщины. Каким бы важным ни был женский труд, по отношению к общественному производству он имел второстепенное, подчиненное значение. В городах авторитет африканца-мужчины все более возрастал независимо от рода его занятий на фоне явной приниженности женщины и в семейной, и в общественной сфере.

Следует подчеркнуть, что заработки черных южноафриканцев, как мужчин, так и женщин, даже имевших равное с белыми образование или квалификацию, в течение многих десятилетий были в несколько раз ниже, чем у последних.

Экономический подъем 1940-х гг. сопровождался волной миграции африканцев в города и промышленно развитые регионы страны, во многом это диктовалось необходимостью выживания. Постоянно увеличивалось и количество женщин, переселявшихся в рабочие пригороды крупных городов (тауншипы). Среди них оказывалось много одиноких женщин. Это были жены крестьян, вслед за мужьями ушедшие в город на заработки; вдовы и брошенные жены, чьи мужья обосновались в городах и завели новые семьи.

Во времена апартеида на трудоустройство африканцев в городах Южной Африки влияла, в частности, сегрегация в сфере образования. С принятием в 1953 г. Закона об образовании банту процесс обучения стал строиться строго по расовому признаку и постепенно полностью перешел к государству. Дети белых, цветных, индийцев и африканцев учились в разных учебных заведениях и по разным программам и учебникам. Также существенно различались уровень и материальная база обучения в школах для европейцев и неевропейцев. Но дискриминация шла в первую очередь по расовому, а не по гендерному признаку. В городском секторе экономики были заняты прежде всего чернокожие мужчины и, как правило, на тяжелых и малооплачиваемых работах. Они составляли основу контингента рабочей силы на предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья, в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности.

Со временем и африканки стали неотъемлемой частью городской рабочей силы. В городах традиционная гендерная сегрегация переносилась в сферу общественного производства: женские профессии и рабочие места для женщин формировались за счет социализации традиционных женских занятий, существовавших в рамках семьи. «Женские», социально непрестижные профессии (домашняя прислуга, кухарки, няни, уборщицы) оплачивались ниже, «мужские» же (сотрудник охраны, службы доставки, таксист), считавшиеся более престижными, – выше. Кроме того, с увеличением количества африканок-горожанок увеличивалась конкуренция на рынке женской рабочей силы, что влекло за собой уменьшение оплаты их труда. В то же время значительная зависимость женщин от семьи и семейных обязанностей не позволяла работающим женщинам максимально использовать свои возможности.

Однако нормы традиционного быта и представления о том, что муж должен выступать добытчиком и кормильцем, а жена – хранительницей домашнего очага, претерпевали в городах значительные изменения. Специфика городской жизни привела к тому, что роль кормильца в семье стала выполнять и женщина [Гришина, 2007, с.79].

В отдельных случаях африканкам-горожанкам удавалось повысить свой социальный уровень и даже занять более высокую «нишу», чем мужчины. В городских африканских районах получили широкое распространение нелегальные питейные заведения – шибини, своеобразные центры общения местного населения. С момента своего возникновения шибини были частью теневого бизнеса из-за запрета властей африканцам варить и продавать в городах традиционное пиво, поскольку его продажу и производство монополизировало государство.

Как правило, владельцами шибинов были женщины-африканки. Таким образом, в городскую среду было перенесено традиционное женское занятие, а самих хозяек шибинов называли «королевами». Никогда не пустовавшие шибины приносили стабильный доход и постоянно пополняли семейный бюджет их владелиц. Важно и то, что предпринимательство давало возможность женщинам чувствовать себя материально обеспеченными и не зависеть от мужчин, чего не наблюдалось в традиционном африканском обществе.

Шибины различались по своему уровню, и соответственно различным был социальный статус их хозяек. Самыми примитивными считались шибины, организованные по этническому принципу. Ими владели неграмотные женщины, мужья которых выполняли самые грязные и тяжелые виды городских работ. Рангом выше были шибины, принадлежавшие женщинам, овладевшим базовой грамотностью и имевшим опыт городской жизни. Круг их постоянных посетителей составляла деклассированная африканская молодежь, уже приобщившаяся к городской культуре и увлекавшаяся джазовой музыкой. Далее по восходящей шли шибины для промышленных рабочих, затем – для клерков и учителей. Их владелицы уже могли купить, например, автомобиль, так как уровень обслуживания, цены на пиво и крепкие спиртные напитки здесь были выше. Шибины-люкс посещали африканские бизнесмены, директора школ, юристы, врачи. Они отличались изысканной кухней, уже гораздо больше напоминая ресторан; завсегдатаи этих шибинов проявляли уважение к хозяйкам. Что касается женщин, то они могли посещать любые шибины, кроме этнических. Поэтому можно предположить, что на этом уровне наиболее полно сохранялись традиционные отношения подчинения женщин мужчинам, здесь по-прежнему не было места равному общению между полами [Hoagland, 1972, p. 95; Becker, 1974, p. 208].

Заметный вклад вносили чернокожие женщины в обеспечение африканских городских районов продуктами питания. Выращенные ими овощи и фрукты поставлялись на продажу владельцам продовольственных магазинов, шибинов и других мелких торговых предприятий. Широкое распространение получила и рыночная торговля. По данным исследований неформального сектора Южной Африки, в течение многих лет существовали и продолжают существовать два типа семейной занятости: первый направлен только на выживание семьи, во главе которой нередко стоит женщина (женщины-торговки и т. п.), второй представлял собой мелкий семейный бизнес с дальнейшей возможностью его развития в предприятие формального сектора. Одной из особенностей городского хозяйства ЮАР была его так называемая «рурализация», при которой африканские семьи вынуждены были искать дополнительные источники к существованию, возделывая овощи, злаки и фрукты на городских окраинах. Так, к возделыванию собственных огородов прибегали бедные африканские семьи, прожившие в городе от 10 до 20 лет. Например, к 1990 г. на окраинах Дурбана огороды имели 25% африканских семей. Несмотря на многолетнее проживание таких семей в городе и восприятие определенных европейских норм жизни, обработкой земли на таких огородах по традиции занимались женщины. Подобная «рурализация» наблюдалась и в других африканских странах: Кении, Танзании, Зимбабве [Rogerson, 1997, p. 358].

Практически во всех сферах занятости африканцев-горожан существовало неравенство в оплате при выполнении мужчинами и женщинами одних и тех же видов труда, как в производственной, так и в непроизводственной сферах. Так, в 1975 г. заработная плата африканцев, работавших на предприятиях по производству одежды в пригороде Йоханнесбурга, в зависимости от уровня их квалификации составляла для мужчин от 15 до 21 рандов в неделю, для женщин – от 12 до 16.80 рандов. При этом все работники были обучены работе на швейном оборудовании. Поскольку рынок наемного труда был достаточно велик, при приеме работу предприниматели отдавали предпочтение найму мужчин,

поскольку использование женского труда требовало дополнительных расходов, связанных с появлением у женщин детей и с периодами нетрудоспособности.

Ликвидация системы контроля за притоком африканцев в города во второй половине 1980-х гг. и официальная отмена расовых барьеров в начале 1990-х гг. стали мощным фактором дальнейшей урбанизации в Южной Африке. С этого времени доступ в города был открыт практически для всех южноафриканцев независимо от пола и цвета кожи. Из бедных районов страны в бывшие «белые», а значит, благоустроенные районы и города хлынул поток искателей лучшей жизни, в котором было немалое количество женщин. Устроиться в городе и найти работу стремились многие тысячи африканцев и членов их семей, что еще больше усугубляло проблему безработицы. Как следствие – росло количество бедняков как среди мужчин, так и среди женщин.

В 1980–1990-х гг. самый высокий процент безработных в городах был в среде африканцев, которые, по мнению некоторых южноафриканских социологов, всегда представляли собой значительную часть потенциально экономически активного населения страны. В этой расовой группе наибольшее количество безработных было в возрасте 25–29 лет, при этом женская безработица (а значит, и бедность) увеличивалась быстрее, чем мужская [Beavon, 1997, p. 159]. Причиной этого явления, в частности, была не только расовая, но и гендерная дискриминация на рынке труда, а также при приеме на работу. Из-за недостатка образования и низкой конкурентоспособности по сравнению с мужчинами африканки повсюду были заняты на малооплачиваемых видах работ, что не позволяло им вырваться из бедности. В постапартеидный период в городах Южной Африки сохранялась ситуация, когда женщины в большей степени, чем мужчины, работали в неформальном секторе экономики, а оплата их труда была меньше, чем у мужчин, на 30–50%.

Вскоре после официальной отмены апартеида правительство столкнулось с завышенными ожиданиями небелого населения ЮАР, предполагавшими получение максимальных льгот во всех областях общественной жизни в кратчайшие сроки. Однако этого не произошло. Не произошло также кардинального и скорого улучшения качества жизни африканок, поскольку условия их жизни в течение многих лет складывались в соответствии с расовыми и гендерными ограничениями, наложенными на женщин традиционными правилами поведения и системой государственного законодательства; а также подчиненным положением по отношению к обществу в целом.

После 1994 г. жизнь чернокожих южноафриканок продолжала проходить в прежних социально-психологических рамках. Их усилия были направлены в первую очередь на выживание собственных семей. Много времени, как и раньше, уходило на работу по ведению домашнего хозяйства, на удовлетворение семейных нужд. Вступая в брак, африканка обычно подчиняла себя роли жены и матери, соблюдая традиционные правила поведения замужней женщины. В основном это относится к сельским женщинам, но такая тенденция существует и в городах. Зачастую при этом горожанка оставляет работу по найму и посвящает себя ведению домашнего хозяйства. Основным кормильцем семьи в таком случае по традиции является муж.

Даже спустя четверть века после ликвидации системы апартеида бедность и безработица африканского населения остаются насущными проблемами ЮАР, что в значительной мере связано для женщин с их семейным положением. Поскольку чернокожие южноафриканки традиционно получали доступ к деньгам через мужчин, не состоящие в браке женщины обычно были очень бедны. Такая ситуация частично сохраняется в сельских районах. Тем не менее в настоящее время в городах многие женщины имеют возможность сами зарабатывать деньги. Продолжает играть значительную роль лоболо – брачный выкуп за невесту: он повышает социальный статус женщин и выступает как символ связей, устанавливаемых между породнившимися семьями, как компенсация родителям невесты за труд по ее вос-

питанию и как проявление приверженности национальным традициям. Интересно, что и в наши дни в городах женщину-африканку, за которую полностью была выплачена лоболо, в среде ее общения характеризуют как «lobolized», подтверждая тем самым ее полноценный, официальный статус замужней женщины.

В 2000 г. государственная программа «Обзор доходов и расходов» («Income and Expenditure Survey») опубликовала результаты социологических исследований, проведенных среди африканских женщин – глав домохозяйств в Южной Африке, из которых следовало, что каждая пятая городская семья, принадлежавшая к числу беднейших, возглавлялась женщиной. В среде африканцев 35% экономически активного женского городского населения в возрасте от 15 до 65 лет были безработными по сравнению с 25% мужского городского населения той же возрастной группы. 49% работающих африканок были заняты низкоквалифицированным тяжелым трудом, связанным, например, с мытьем окон, уборкой улиц и помещений, вывозом мусора, в то время как среди африканцев-мужчин подобными видами труда занимался только 21% [South Africa Income, 2000].

Несмотря на достижения в области демократии, в стране по-прежнему сохраняются глубокие различия в доходах и уровне жизни белых и небелых граждан, что создает предпосылки для социально-политической нестабильности. Правда, в 1994–2006 гг. почти 300 тыс. черных южноафриканцев стали считаться средним классом общества, их доходы составили от 13 тыс. до 23 тыс. долл. в год. Безработица же по-прежнему превышала 40%, и работы не имели преимущественно чернокожие мужчины и женщины в возрасте от 15 лет [Скубко, Шубин, 2007]. На 2017 г., согласно официальным данным статистического управления ЮАР, около 30% трудоспособного населения не имело работы, а доля безработных среди молодежи доходила до 50% [Мезяев, 2017].

В 2005 г. южноафриканские социологи И. Вудлард и С. Клазен провели анализ колебаний уровня семейных доходов среди африканского населения в провинции Квазулу-Наталь. Они установили, что амплитуда колебаний доходов по сравнению с развитыми странами достаточно велика, объяснив это переходным периодом в стране и связанными с ним сложностями. Причинами таких колебаний явились значительные демографические изменения в области занятости. Исследователи выявили 4 типа «ловушек бедности»: первоначальный размер хозяйств, плохое базовое образование, недостаток первоначального капитала и низкую оплату труда [Woodlard, Klasen, 2005, p. 875].

Несмотря на законы, принятые в последние годы и призванные содействовать гендерному равенству в обществе, при сокращении рабочих мест в первую очередь увольнению подлежат женщины и именно женщинам гораздо сложнее снова найти работу на желаемых условиях. По данным на 2015 г. гендерное соотношение рабочей силы выглядело так: мужчины – 67.9%, женщины – 32.1% [Report of the Employment, 2016].

В последние десятилетия в ЮАР, как и во многих африканских странах, сохраняется большое количество домохозяйств во главе с женщинами. В 1995–2000 гг. в ЮАР насчитывалось примерно 41.9% таких домохозяйств [Домохозяйства, возглавляемые, 2000]. К 2017 г. тенденция к снижению их числа не проявилась [Щербакова, 2018, с. 18].

Наиболее частой причиной появления домохозяйств, во главе которых стоит женщина, становятся развод, смерть супруга или его отсутствие в течение длительного времени. Поскольку главным или единственным кормильцем семьи в большинстве случаев является муж, то женщины, оставшиеся без его поддержки, испытывают серьезные материальные затруднения. Хозяйства во главе с женщинами, обычно изначально уязвимые, во времена экономических кризисов и в условиях роста безработицы переживают тяжелые времена.

Со все большим вовлечением Южной Африки в глобальные экономические процессы возрастает необходимость принятия законов и разработки политики для развития у женщин

профессиональных навыков, в частности, для управления собственным бизнесом. Надо отметить, что в стране разработаны программы подготовки женщин-предпринимателей внутри и за пределами страны, включающие предоставление им необходимой информации, технологий, выделение целевых кредитов.

Так, с 1998 г. в Южной Африке реализуется программа «Технология для женщин в бизнесе», которая облегчает женщинам доступ к современным технологиям. Для поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в ЮАР в 2004 г. созданы Агентство развития малых предприятий (Small Enterprises Development Agency, SEDA), одной из целей которого является формирование предпринимательских навыков у африканок, и Финансовое агентство малых предприятий (Small Enterprises Finance Agency, SEFA), в задачи которого входит увеличение возможностей по привлечению финансирования предприятий, возглавляемых чернокожими женщинами [Баширова, Абдулазизова, 2016].

Государственные программы вовлечения чернокожих южноафриканок в те или иные виды официальной занятости порой носят дискриминационный характер. Так, в 2019 г. Департамент здравоохранения провинции Квазулу-Наталь в ЮАР решил расширить ординаторскую программу, увеличив количество мест с 314 до 414. При этом 100 новых мест были предназначены только для чернокожих кандидатов. Несмотря на то, что критики называли это решение дискриминационным, неконституционным и расистским, департамент здравоохранения провинции заявил, что такой подход направлен на устранение «дисбалансов прошлого». По словам представителя департамента Нкумисы Мафунды, «Южная Африка, включая Квазулу-Наталь, остается неравным обществом с ограниченными возможностями саморазвития для тех, кто был исторически угнетен» [White doctors wanting, 2019].

Кроме того, в соответствии с Законом о наделении черных большей экономической властью, принятым в 2003 г., при найме на любую должность в государственном секторе преимуществом пользуется сначала чернокожий мужчина, потом чернокожая женщина (оба – как бывшие угнетенные по расовому признаку), и только потом рассматриваются кандидатуры белых мужчины и женщины. [Broad-Based Black Economic, 2004].

Однако, несмотря на это, в среде чернокожего населения по-прежнему широко распространены представления о вторичности женщины по отношению к мужчине как в бытовой сфере, так и в сфере занятости. Согласно исследованию южноафриканского социолога М. Жубер, среди публичных, узнаваемых людей только 8% – чернокожие женщины [Joubert, 2018].

В области образования тенденции к гендерному равенству также проявляются очень сильно в последние десятилетия. После падения апартеида сегрегированная система обучения ушла в прошлое. Согласно второй главе Конституции 1994 г. и Закону об образовании 1996 г., каждый теперь имеет право на базовое образование, включая базовое обучение взрослых, и на продолжение учебы. В основу нового образования было положено развитие интегрированной системы обучения, обеспечивающей равные возможности для всех вне зависимости от расы, классовой принадлежности, пола, религии.

Если в сфере начального и среднего образования соотношение мальчиков и девочек всегда было примерно равным, то в высшем образовании гендерный аспект стал одним из приоритетов. К безусловным достижениям реформ в области высшего образования надо отнести рост числа студентов вузов. Если в 1993 г. их насчитывалось меньше 500 тыс. (473 тыс.), то в 2013 г. их численность достигла 1,1 млн человек [Statistics on Post-School Education, 2015]. Особое внимание, конечно, уделялось увеличению количества студентов из числа черных жителей ЮАР, женщин, выходцев из рабочего класса и сельской бедноты. Если в 1999 г. студенты-африканцы составляли 52% учащихся вузов, то к 2013 г. этот процент вырос до 68, доля женщин-студенток выросла с 1999 по 2013 г. с 43 до 54% [South African Higher Education, 2014].

К 2004 г. почти половина из 20 тыс. студентов Кейптаунского университета (флагманского вуза ЮАР согласно мировым рейтингам) были черными и чуть меньше половины из них составляли женщины [University of Cape Town, 2020]. Женщин-студенток больше на заочных отделениях южноафриканских вузов, в среднем их доля здесь возрастает до 62%. Количество женщин, зачисленных на программы высшего образования с 2014 по 2018 гг., увеличилось значительно, чем мужчин. В 2018 г. было зачислено в вузы на 103643 женщин-студенток больше, чем в 2014 г., в то время как студентов-мужчин в 2018 г. было зачислено больше всего на 55495, чем в 2014 г. [UIS Statistics, 2020].

Говоря о возрастании роли чернокожих женщин в южноафриканском обществе, нельзя обойти вниманием политическую сферу. В современной ЮАР существуют как юридические, так и институциональные условия для политической активности женщин. Равенство полов закреплено в конституции 1996 г., в ст. 187. У политических партий существуют гендерные квоты. Так, правящая партия Африканский национальный конгресс (АНК) в 2003 г. установила квоту для женщин на уровне 1/3 от общего числа кандидатов, а с 2007 г. действует 50-процентная квота представительства женщин во всех его выборных структурах [Прокопенко, 2013, с. 42].

После победы правящей партии АНК на парламентских выборах 2019 г. президент С. Рамапоса сформировал новый кабинет министров, сократив число министров с 35 до 28. Ровно половину мест в кабинете министров заняли женщины, в основном чернокожие, и ЮАР вошла в число 11 стран мира с гендерно-равным составом правительства [В ЮАР впервые в истории, 2020].

Укреплению позиций женщин на политической арене Южной Африки посвящаются все больше исследований [Прокопенко, 2013; Прокопенко 2020; Турияница, 2020; Ndownu, Mulate, 2013; Paxton, Hughes, 2015; Baldwin, 2016]. Среди наиболее ярких и влиятельных фигур можно назвать Хелен Зилле (мэр г. Кейптауна в 2006–2009 гг., лидер оппозиционной партии Демократический альянс в 2007–2015 гг. и премьер провинции Западный Кейп в 2009–2019 гг.), Патрицию де Лиль (мэр г. Кейптауна в 2011–2018 гг., основатель и лидер политической партии «Добро» («Good»), министр общественных работ и инфраструктуры в правительстве Сирила Рамапосы – с 2019 г.), Линдиве Мазibuко (общественный деятель и лидер парламентской фракции Демократический Альянс в 2011–2014 гг.), а также Мампелу Рампеле – известного борца с апартеидом, основателя и лидера партии «Аганг Эс-Эй», преподавателя и общественного деятеля. И это далеко не полный список имен женщин, добившихся большого политического влияния в ЮАР.

Таким образом, гендерные аспекты проживания чернокожих граждан Южной Африки в городах после 1994 г. приобретают новую социально-политическую специфику. Женщины все больше включаются в мировой промышленный рынок оплачиваемого труда, частью которого является и ЮАР. Но они получают доступ прежде всего к малооплачиваемой, низкоквалифицированной работе, почти без шансов на перспективу и продвижение по социальной лестнице. Если учесть, что большинство на этом рынке труда составляют молодые африканки, чаще всего из деревень, не имеющие четкого представления о зарплате за конкретный труд, не осознающие своих прав и не объединенные в профсоюзы, то напрашивается вывод: их основными характеристиками на рынке труда будут являться дискриминация в зарплате и бесправие.

Экономическая зависимость женщин приводит к их уязвимости в социальном плане. Концентрация материальных средств в руках мужа или старшего мужчины в семье обеспечивает последним потенциальную власть над женщинами, которая в любой момент может быть реализована. В такой ситуации сложно говорить о свободном волеизъявлении личности, возможности самостоятельного принятия решений, широком участии в общественных процессах. Свобода и равенство между полами, декларируемые многими официальными

актами в современной Южной Африке, зачастую не внедряются в жизнь, а остаются только на бумаге. При этом традиционная роль по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми сохраняется за женщинами в полной мере.

В то же время изменения во всех сферах общественной жизни ЮАР привели к тому, что незначительная часть африканок, инициативных и квалифицированных, занялась частным предпринимательством, некоторые достигли успехов в социально-политической области. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на существующие трудности, новые времена дают женщинам–южноафриканкам все больше возможностей проявить свои силы, особенно в сфере политики, где их успехи выглядят наиболее впечатляющими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Баширова Х.Ш., Абдулазизова Э.А. Основные институты поддержки малого и среднего предпринимательства в Южно-Африканской республике. *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 2 [Bashirova Kh.Sh., Abdulazizova E.A. The Main Institutions for Supporting Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of South Africa. *Modern Scientific Researches and Innovations*. 2016. No. 2 (in Russian)] <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/62955> (accessed: 15.11.2020).

В ЮАР впервые в истории страны половину кабинета министров заняли женщины. [In South Africa, for the First Time in the Country's History, Half of the Cabinet of Ministers Was Occupied by Women (in Russian)] <https://rtvi.com/news/v-yuar-polovinu-kabineta-ministrov-zanyali-zhenshchiny/> (accessed: 1.09.2020).

Гришина Н.В. *Гендерные аспекты урбанизации (на примере африканского населения ЮАР)*. Сер. «Гендерные исследования». Т. 7. М.: Институт Африки РАН, 2007 [Grishina N.V. *Gender Aspects of Urbanization (the Case of the African People of South Africa)*. Series «Gender Studies». Vol. 7. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2007 (in Russian)].

Домохозяйства, возглавляемые женщинами, в странах Африки [Female-headed Households in Africa (in Russian)] <https://ru.countries.world/Africa/> (accessed: 15.10.2020).

Мезяев А. Южная Африка: профсоюзы и власть [Mezyaev A. *South Africa: Trade Unions and Power* (in Russian)] <http://www.fondsk.ru/news/2017/06/07/uzhnaya-africa-profsojuzy-i-vlast-44117.html/> (accessed: 01.03.2019).

Потехин И.И. *Формирование национальной общности южноафриканских банту*. М.: Наука, 1955 [Potekhin I.I. *Formation of the National Community of South African Bantu*. Moscow: Nauka, 1955 (in Russian)].

Прокопенко Л.Я. Представительство женщин в органах власти (опыт стран южноафриканского региона). *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3 (68). С. 40–50 [Prokopenko L.Ya. Representation of Women in Structures of State Power (The Case of Southern African Region). *Woman in Russian Society*. 2013. No. 3 (68). Pp. 40–50 (in Russian)].

Прокопенко Л.Я. Политический имидж женщин-лидеров политических партий ЮАР. *Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера*. Отв. ред. В.В. Грибанова, Н.Л. Крылова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 181–195 [Prokopenko L.Ya. Political Image of Women Leaders of Political Parties in South Africa. *African Traditions and Modernity: Problems of History, Culture and Gender*. Eds.: V.V. Gribanova, N.L. Krylova. Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2020. Pp. 181–195. (in Russian)].

Скубко Ю.С., Шубин Г.В. *Некоторые аспекты социальной политики ЮАР в 1994–2006 гг.* [Skubko Yu.S., Shubin G.V. *Some Aspects of South African Social Policy in 1994–2006* (in Russian)] <http://nauka.x-pdf.ru/17politologiya/467077> (accessed: 1.08.2020).

Туряница Д.А. Молодые политические фигуры ЮАР: Линдиве Мазибук. *Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера*. Отв. ред. В.В. Грибанова, Н.Л. Крылова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 196–207 [Turyanitsa D.A. Young South African Political Figures: Lindive Mazibuko. *African Traditions and Modernity: Problems of History, Culture and Gender*. Eds.: V.V. Gribanova, N.L. Krylova. Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2020. Pp. 196–207 (in Russian)].

Щербакowa Е.М. Домохозяйства мира, 2017. *Демоскоп Weekly*. 2018. № 771–772. С. 18 [Shcherbakova Ye.M. Households of the World, 2017. *Demoskop Weekly*. 2018. No. 771–772. P. 18 (in Russian)] <http://demoscope.ru/weekly/2018/0771/barom01.php> (accessed: 1.10.2020).

Baldwin K. *The Paradox of Traditional Chiefs in Democratic Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Beavon K. Johannesburg: A City and Metropolitan Area in Transformation. *The Urban Challenge in Africa: Growth and Management of Its Large Cities*. Ed. C. Rakodi. Tokyo, New York: United Nations University Press, 1997. Pp. 176–195.

Becker P. *Tribes to Township*. St. Albans: Panther, 1974.

Broad-Based Black Economic Empowerment Act, 2003. *Government Gazette*. No. 25899. 9.01.2004.

Joubert M. White Men's Voices Still Dominate Public Science. *The Conversation*. 28.05.2018.

Hoagland J. *South Africa: Civilization in Conflict*. Boston: Houghton-Mifflin, 1972.

Ndowu S., Mulate S.B. Emerging Trends in Women's Participation in Politics in Africa. *American International Journal of Contemporary Research*. 2013. Vol. 3. No. 11. Pp. 72–79. http://www.aijcrnet.com/journals/Vol_3_No_11_Novembe_2013/9.pdf

Paxton P.M., Hughes M.M. *Women, Politics and Power: A Global Perspective*. 3rd edition. Washington: CQ Press, 2015.

Report of the Employment Equality Commission in 2015. Johannesburg, 2016.

Rogerson Ch. Globalization or Informatization? Urban Economies in the 1990s. *The Urban Challenge in Africa: Growth and Management of Its Large Cities*. Ed. C. Rakodi. Tokyo, New York: United Nations University Press, 1997. Pp. 344–361.

South Africa Income and Expenditure Survey. Pretoria: Statistics South Africa, 2000.

South African Higher Education in the 20th Year of Democracy. Context, Achievements and Key Challenges. 2014. HESA presentation to the Portfolio Committee on Higher Education and Training Cape Town. http://www.universitiessa.ac.za/sites/www.universitiessa.ac.za/files/South%20African%20Higher%20Education%20in%20the%2020th%20Year%20of%20Democracy_5%20March%202014_0.pdf (accessed: 18.12.2019).

Statistics on Post-School Education and Training in South Africa: 2013. Released in March 2015. <http://www.dhet.gov.za/DHET%20Statistics%20Publication/Statistics%20on%20Post-School%20Education%20and%20Training%20in%20South%20Africa%202013.pdf> (accessed: 08.12.2019).

UIS Statistics – Unesco data. uis.unesco.org (accessed: 20.11.2020).

University of Cape Town. https://ru.qwe.wiki/wiki/University_of_Cape_town (accessed: 06.07.2020).

White Doctors Wanting to Specialize Face Roadblock in KwaZulu-Natal. *Sunday Times*. 11 January 2019.

Woodlard I., Klasen S. Determinants of Income Mobility and Household Poverty Dynamics in South Africa. *Journal of Development Studies*. Vol. 41. No. 5. 2005. Pp. 865–897.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ГРИБАНОВА Валентина Валерьевна – кандидат исторических наук, ст.н.с., зав. Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва, Россия.

Valentina V. GRIBANOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Head of Department of History and Cultural Anthropology Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ГРИШИНА Нина Владимировна – кандидат исторических наук, ст.н.с. Института Африки РАН, Москва, Россия.

Nina V. GRISHINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.